

Нара великолѣпныхъ темныхъ глазъ смотрѣла на Яна; вѣтвистые рога узѣнчивали истинно-царственную голову; стройное тѣло стояло неподвижно, словно окаменѣло.

Янъ и олень Несчанныхъ холмовъ встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу. Жизнь его была теперь въ рукахъ Яна.

Олень стоялъ, какъ изваяніе, онъ стоялъ и смотрѣлъ прямо въ глаза Яну своими большими, ясными, правдивыми глазами.

Ружье дрогнуло въ рукѣ Яна. Онъ поднималъ его и снова опускалъ, потому что олень не сводилъ съ него своего яснаго взора, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на него.

И Янъ тогда почувствовалъ, что волненіе его утихаетъ, что зубы уже не стучать у него, что въ немъ разливается какое-то спокойствіе и радость.

«Стрѣлай, стрѣлай скорѣй! Вѣдь ты этого добивался!»— говорилъ въ немъ какой-то голосъ, но голосъ этотъ звучалъ такъ неувѣренно, такъ слабо...

И Янъ вспомнилъ одну страшную ночь, когда его преслѣдовала стая волковъ, когда онъ, изнемогая отъ усталости, въ ужасѣ ждалъ ихъ приближенія; онъ вспомнилъ убитую лань и снѣгъ, обогранный ея кровью,—кровью преступнаго убійства. Ему вспомнились глаза умирающей лани, ея робкій, умоляющій взглядъ, которымъ она какъ будто хотѣла сказать: „Какое зло вамъ сдѣлала?“

Мысль объ убійствѣ казалась теперь невозможной. Янъ смотрѣлъ на оленя, и олень не сводилъ съ него своихъ умныхъ, ясныхъ глазъ. Казалось, они читали въ глазахъ и сердцахъ другъ у друга.